

КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЦЕССОВ ОБОБЩЕНИЯ В МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ г. БАКУ)

О.Н. АРЕСТОВА¹, П.З. МУСЛИМЗАДЕ²

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,*

² *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филиал в городе Баку*

Эмпирическое исследование посвящено проблеме соотношения мыслительных процессов и культурной принадлежности субъекта. Рассматривается проблема применимости различных методов изучения понятийного мышления в кросс-культурном аспекте. Приводится обзор исследований в области культурного своеобразия мышления, показавший значимость культурной принадлежности в формировании познавательных процессов, в частности понятийного мышления, в связи с характерным для культуры стилем практической, познавательной деятельности и общения. В работе применена методика «Исключение четвертого лишнего», предполагающая возможности обобщения образного стимульного материала по функциональным, латентным и аффективно продиктованным признакам. В исследовании принимали участие 60 человек – все они жители г. Баку, 30 из них – принадлежащие к русской и 30 – к азербайджанской культуре. На фоне значительной социальной и бытовой общности в Баку сохраняются культурные и языковые различия – так, можно получить образование на различных языках, в том числе азербайджанском и русском. Население Баку представляет собой удачный пример для исследования современного мультикультурного общества, в котором поддерживается умеренная и продуктивная культурная специфика, фиксируемая главным образом языковой принадлежностью людей. Такое направление кросскультурных исследований является методологически новым и крайне актуальным в современных условиях, явно недостаточно широко развернутым в современной исследовательской практике. Результаты проведенного культурно-сопоставительного исследования обнаруживают, что процессы обобщения имеют выраженную культурную специфику. В частности, показано, что принадлежащие к азербайджанской культуре испытуемые в большей степени склонны обобщать по понятийно фиксированным признакам, а также обобщать в логике предметно-практической ситуации. У принадлежащих к русской культуре испытуемых в большей степени представлены обобщения по латентным признакам, а в целом разнообразие формируемых обобщений у них выше. Полученные данные могут быть использованы в составлении программ совместного обучения, их необходимо учитывать в аспекте взаимопонимания представителей различных культур, совместно проживающих, обучающихся, работающих.

Ключевые слова: кросскультурное исследование, познавательная деятельность, понятийное мышление, процессы обобщения, задачи на классификацию.

Одной из непростых исследовательских проблем является специфика мышления в связи с культурной принадлежностью субъекта. Сам вопрос о том, что в современном мире может служить критерием отнесения человека к определенной культуре, приобретает все более сложный характер. Сложность изучения процессов мышления в культурно-языковом аспекте усугубляется и трудностями дифференциации содержа-

тельных аспектов мышления и его механизмов, в том числе понятийных (Коул, 1997). Это связано с тем, что понятийная линия в развитии мышления тесно связана с предметно-практической, образной, бытовой, представляя различные аспекты культурно специфического опыта субъекта.

Естественно, что освоение языка занимает особое место в исследовании детерминант мышления. Многие авторы,

изучавшие данный вопрос в различных аспектах и в разное время (Брунер, 1977; Кликс, 1983; Коул, 1997; Коул, Скрибнер, 1977; Лурия, 1979; Сергиенко, 2008; Язык и мысль, 2015; Ji, Zhang, Nisbett, 2004; Rivers, 1905), придерживаются мнения о сложной взаимосвязи между языковым развитием и прогрессом мышления. В работе Л.С. Выготского «Мышление и речь» (1999) целенаправленно анализируется генетический аспект отношения мысли и слова, без понимания которого трудно представить исследование языково-мыслительных взаимоотношений.

Важнейшим предметом исследования при рассмотрении проблемы мышления и языка являются процессы обобщения, связывающие в функциональный комплекс языковые значения и сопряженные с ними критерии содержательной классификации предметов и событий. Еще в начале XX в. Э. Дюркгейм (1995) подчеркивал, что процессы мышления формируются под влиянием культуры. Эта идея была подхвачена и реализована как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях (Выготский, 1999; Лурия, 1979; Коул, Скрибнер, 1977; Верч, 1996, Nisbett, 2003). Тем не менее, несмотря на декларативное подчеркивание связи мышления и языка, проблема конкретных механизмов ее реализации явно сохраняет свою актуальность и лишь косвенно освещается в большинстве исследований (Язык и мысль, 2015; Boroditsky, 2011; Boroditsky, Fuhrman, McCormick, 2004, 2011; Casasanto et al., 2004; Grossman, Varnum, 2010; Nisbett, 2010).

Помимо этого, современные кросскультурные исследования сталкиваются со значительными методологическими трудностями, которые связаны с размыванием границ культурной принадлежности, изменившимися критериями ее определения в современном мультикультурном мире. Одним из основных подходов (наряду с субъективной принадлежностью) при этом остается языковая принадлежность субъекта.

Рассмотрение мыслительных процессов, и прежде всего процессов обобщения в связи с языковой принадлежностью субъекта является предметом настоящего исследования. Оно проведено на примере сопоставления свойств понятийного мышления представителей азербайджанской и русской культуры, проживающих в г. Баку. Отметим, что для проведения такого исследования Баку является крайне удачным примером, поскольку на фоне значительной социальной и бытовой общности населения в Баку сохраняются и культурно-языковые различия — так, можно получить образование на различных языках, в том числе азербайджанском и русском. Можно рассматривать современный Баку как характерный пример мультикультурного сообщества, в котором поддерживается умеренная и продуктивная культурная специфика, фиксируемая главным образом языковой принадлежностью людей.

ПОСТРОЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целями работы являются, во-первых, исследование культурной специфики в строении процессов обобщения у русско- и азербайджаноязычных испытуемых, во-вторых, поиск и возможная модификация методик, пригодных для эквивалентного использования как для русскоязычной, так и азербайджаноязычной выборки испытуемых.

Предметом исследования является специфика функционирования и строения процессов обобщения в связи с языковой принадлежностью испытуемых.

Гипотеза исследования: существуют качественные различия в структуре и функционировании процессов обобщения, характерные для представителей различных культур, в том числе и совместно проживающих в рамках одного мегаполиса. Обоснованием для такой гипотезы является довольно значительное своеобразие культурного опыта, бытовых традиций и ментальности у представителей

русской и азербайджанской культуры.

Выборка. В исследовании приняли участие 60 человек: 30 представителей русской культуры, 30 — азербайджанской. Возраст испытуемых составлял от 16 до 30 лет. Респондентами были школьники, студенты и взрослые с высшим образованием различного профиля. Во избежание возникновения различий вследствие социальных и демографических факторов (образование, возраст, пол испытуемых) подвыборки были тщательнейшим образом уравнены по образовательному, половому и возрастному критерию.

Основным критерием отнесения испытуемого к русской или азербайджанской выборке было определение им русского или азербайджанского языка как родного и преобладающего в общении. Кроме того, учитывался субъективный и бытовой критерии — ощущение себя представителем той или иной культуры и приверженность соответствующим культурным традициям (Арестова, 2016).

ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика. В исследовании была применена методика А.Р. Лурии «Четвертый лишний». Методика применялась в частичном варианте (Балашова, Ковязина, 2015). Каждому испытуемому предъявлялись четыре задачи на обобщение. Он должен был выбрать один лишний предмет из четырех представленных, обобщив одним понятием оставшиеся (см. рис.).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

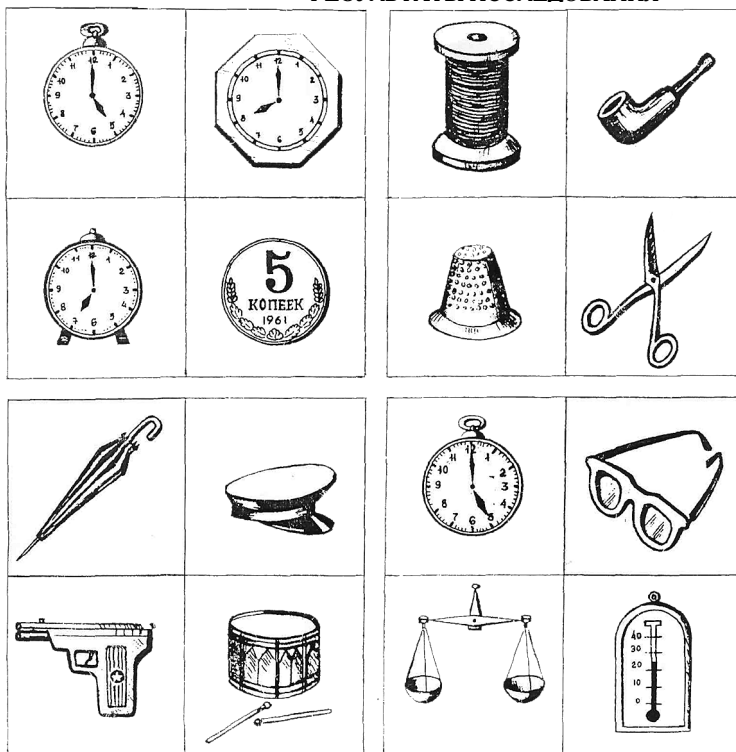

Рис. Стимульный материал методики «Четвертый лишний»

Несмотря на кажущуюся простоту методики, качественный анализ получаемых с ее помощью данных наталкивается на довольно непростую проблему классификации полученных ответов. Дело в том, что одинаковые ответы (исключаемый предмет) могут существенно различаться содержательно. Например, формально правильный ответ в задании 1 (трубка), может иметь весьма далекое от содержательной понятийности обоснование: «курить вредно», «когда пьешь, курить неудобно» и т.д. В этой связи мы применяли специально разработанную дифференцированную классификационную схему. Она включала следующие виды обобщения: конкретно-ситуативные (обобщения по признаку предметного действия), наглядные (обобщения по визуальным признакам), латентные (обобщения по необычным и неявным признакам), аффективные (обобщения по эмоциональным признакам), содержа-

тельно-функциональные (Арестова, 2009а, б; Беломестнова, 2003; Белопольская, 2009).

Приведем примеры обобщений различных видов. Обобщение по функциональному признаку: «все предметы, кроме трубки, нужны для шитья, трубка лишняя»; обобщение по латентному признаку: «лишний предмет — часы восьмиугольной формы, потому что время там показывает 8 часов, нечетное число, а в остальных предметах фигурирует нечетное число»; обобщение по наглядному признаку: «лишний предмет — часы восьмиугольной формы, остальные предметы круглые»; обобщение по конкретно-ситуативному признаку: «лишний предмет — секундомер, остальные вещи мы используем дома»; обобщение по аффективному признаку: «пистолет, потому что это опасный предмет, а остальные — безопасные».

Частота встречаемости видов обобщений для двух групп испытуемых представлена в табл 1.

Статистически значимых различий по частоте функциональных обобщений между представителями русской и азербайджанской выборок обнаружено не было. Однако соотношение частот указывает на то, что у азербайджанских испытуемых чаще встречаются функциональные обобщения; это может говорить о том, что нормированность мышления, подчиненность его функциональным, понятийно зафиксированным, критериям, у них несколько выше, чем у русской выборки. Полученный результат позволяет утверждать, что сходство обобща-

ющей деятельности у представителей азербайджанской выборки выше, чем у русской.

Конкретно-ситуативные обобщения у представителей азербайджанской выборки несколько более часты и значение критерия приближается к критическому, что может говорить о тенденции обобщать в логике конкретно-предметной ситуации, практического действия с предметами.

Обобщений по латентному и наглядному критериям у испытуемых русской части выборки выявлено больше, чем у испытуемых из азербайджанской. Чувствительность к латентным свойствам, по мнению ряда авторов (Тихомиров, 2008; Пономарев, 1976), характеризует креативность мышления, свойственна людям с творческими склонностями, что не позволяет оценивать этот показатель однозначно негативно как препятствующее взаимопониманию логическое своеобразие. Можно предполагать, что оригинальность обобщений у представителей русской выборки несколько выше, чем у азербайджанской. Наоборот, чрезмерная приверженность понятийной нормированности, типичность вырабатываемых обобщений, их «одинаковость» внутри культуры, с одной стороны, может быть препятствием к реализации творческих подходов, а с другой стороны, может быть основанием для большего единства взглядов, единообразия понимания различных ситуаций представителями данной культуры.

Наряду с более оригинальными обобщениями по латентным признакам у

Таблица 1

Частота встречаемости различных видов обобщений у русских и азербайджанских испытуемых (% от общей суммы решений 120)

Выборка	Виды обобщений				
	Функциональные	Латентные	Наглядные	Конкретно-ситуативные	Аффективные
Русскоязычные испытуемые	72,5	6,6	5,8	3,3	11,6
Азербайджаноязычные испытуемые	78,3	2,5	0,0	8,3	10,1

Таблица 2

Значения статистических критериев и уровней значимости для сравнения данных испытуемых двух групп

Критерии	Обобщения				
	Функциональные	Латентные	Наглядные	Конкретно-ситуативные	Аффективные
Т-критерий Стьюдента для независимых выборок	$T = -0,873$ $p = 0,386$	$T = 1,512$ $p = 0,136$	$T = 2,536$ $p = 0,014$	$T(29) = -1,853$ $p = 0,069$	$T = 0,154$ $p = 0,878$
Критерий Манна–Уитни	$Z = -1,207$ $p = 0,228$	$Z = -1,406$ $p = 0,16$	$Z = -2,558$ $p = 0,011$	$Z = -1,816$ $p = 0,069$	$Z = -0,835$ $p = 0,404$

русской выборки наблюдается и другая характеристика – они чаще обобщают по наглядным признакам. И то, и другое (латентные и наглядные) говорит о меньшей связанности обобщающей деятельности у русскоязычных испытуемых с функциональными свойствами объектов, предметов, фиксированными в языке, тенденции рассматривать задание как именно понятийное, а не предметно-бытовое.

Статистических различий между выборками по совокупности всех ответов по критерию Стьюдента для независимых выборок и Манна–Уитни обнаружено не было, но при рассмотрении различий по отдельным заданиям проявились явные и статистически значимые тенденции.

Так, задание 1 (секундомер, часы восьмиугольной формы, часы круглой формы, монета) с помощью характерного изображения провоцирует обобщения по принципу наглядности и латентности. При сравнении частот ответов испытуемых двух групп с помощью критерия χ^2 оказалось, что у русскоязычных испытуемых значимо чаще встречаются наглядные обобщения ($\chi^2(4) = 6,667$; $p = 0,01$).

Анализ задания 2 (катушка, курительная трубка, наперсток, ножницы), которое провоцирует обобщения по принципу латентности, различий между двумя выборками по принципу латентности обнаружены не было ($\chi^2(4) = 2,069$; $p = 0,15$). При анализе задания 3 (зонтик, фуражка, пистолет, барабан), которое провоцирует обобщения по принципам

аффективности (агрессивный характер изображения) и латентности различия по критерию аффективности обнаружены не были, но наблюдались различия по критериям латентности ($\chi^2(4) = 4,286$; $p = 0,038$) и конкретно-ситуативности ($\chi^2(4) = 4,439$; $p = 0,035$). Латентных обобщений больше у представителей русской выборки, а конкретно-ситуативных – у азербайджанской.

Задание 4 (секундомер, очки, весы, термометр) провоцирует обобщения по принципу конкретно-ситуативности, но различий между двумя выборками обнаружено не было ($\chi^2(4) = 0,003$; $p = 0,959$).

Итак, при анализе всех заданий на уровне тенденций, не достигающих статистической значимости, были обнаружены следующие различия между представителями двух культур:

1) у представителей русской выборки несколько чаще встречаются обобщения по наглядным (визуальным) и латентным признакам;

2) у представителей азербайджанской выборки несколько чаще встречаются обобщения по конкретно-ситуативным признакам. Мы подразумеваем, что конкретно-ситуативные обобщения чаще всего образуются по принципу единого действия с изображенными предметами;

3) у испытуемых из азербайджанской выборки чаще встречаются функциональные обобщения, базирующиеся на понятийном уровне презентации;

4) по аффективным обобщениям значимых различий обнаружено не было.

При дифференцированном анализе отдельных заданий были выявлены статистически значимые различия между представителями двух культур. Оказалось, что по критериям наглядности, латентности и конкретно-ситуативности обобщений статистический анализ подтвердил обнаруженные ранее тенденции. Была выявлена большая степень выраженности обобщения по критерию латентности и наглядности у представителей русской, а по критерию конкретно-ситуативности — у представителей азербайджанской выборки.

ВЫВОДЫ

В результате исследования оказалось, что, что по ряду показателей между представителями русской и азербайджанской культуры, проживающих в единой макрокультурной среде (жители города Баку), наблюдаются различия в строении и функционировании процессов обобщения.

Для представителей азербайджанской выборки характерна более высокая понятийная нормированность мышления и большая подчиненность его функциональным критериям. Также у испытуемых данной группы наблюдается большая тенденция обобщать в логике конкретно-предметной ситуации. В русской выборке наблюдается меньшая связанность обобщающей деятельности с функциональными свойствами объектов, предметов, отмечается склонность рассматривать задание как абстрактно-понятийное, а не предметно-бытовое по сравнению с испытуемыми из азербайджанской выборки. Описанные результаты были получены исключительно на примере городского населения и вряд ли могут быть перенесены на уровень целостного культурно-сопоставительного вывода. Несмотря на это, они открывают возможности и направления для исследования особого феномена современного мира — психологического своеобразия совместно проживающих

в едином макрокультурном пространстве представителей различных культур.

1. Арестова О.Н. Интуитивное понимание смысла пословиц // Вопр. психол. 2011. № 2. С. 129—138.
2. Арестова О.Н. Искажения в мыслительной деятельности как результат мотивационного конфликта // Прикладная юридическая психология. 2009а. № 1. С. 86—98.(1).
3. Арестова О.Н. Культурные особенности опосредствования в мнемической деятельности // Вопр. психол. 2016. №3. С. 89—95.
4. Арестова О.Н. Развитие представлений о структурирующей функции мотивации в мыслительной деятельности: Мат-лы конф. Современная психология мышления: смысл в познании. Москва, 17—18 октября 2008 / Под ред. Ю.П. Зинченко и др. М., 2009б. С. 38—41.
5. Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта: психометрическая и клинико-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике: Методич. пособ. СПб.: Речь, 2003. 128 с.
6. Белопольская Н.Л. Исключение предметов (Четвертый лишний). Модифицированная психодиагностическая методика: Руководство по использованию. 3-е изд. М.: Когито-центр, 2009. 26 с.
7. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
8. Верч Дж. Голос разума: социокультурный подход к опосредованному действию / Институт Открытое общество. М.: Тривола, 1996. 352 с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 272 с.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послеслов. и примеч. под ред. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. (История социологии в памятниках).
11. Жане П. Эволюция памяти и понятия времени: Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 85—92.
12. Кликс Ф. Пробуждающее мышление. У истоков человеческого мышления. М.: Прогресс, 1983. 285 с.
13. Коул М. Культурно-историческая психология — наука будущего. М.: Когито-центр; ИП РАН, 1997. 590 с.
14. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977. 257 с.
15. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

16. Нейропсихологическая диагностика: Классические стимульные материалы / Сост. Е.Ю. Балашова, М.С. Ковязина. М.: Генезис, 2015. 70 с.
17. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 301 с.
18. Сергиенко Е.А. Когнитивная природа речевого «взрыва» // Психол. исслед.: электрон. науч. журн. 2008. № 1 (1). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/83-sergienko1.html>
19. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. для студ. вузов. М.: Академия, 2008. 288 с.
20. Язык и мысль // Современная когнитивная лингвистика / Под ред. А.А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с.
21. Boroditsky L. How language shapes thought: The languages we speak affect our perceptions of the world // Cognitive psychology. 2011. V. 38 (1). P. 63–65.
22. Boroditsky L., Fuhrman O., McCormick K. Do English and Mandarin speakers think about time differently? // Inter. J. Cogn. Sci. 2011. V. 43 (1). P. 1–22.
23. Casasanto D. et al. How deep are effects of language on thought? Time estimation in speakers of English, Indonesian, Greek, and Spanish / Casasanto D., Boroditsky L., Phillips W., Green J., Goswami W. // Proceedings of the 26th Annual Conference of the Cognitive Science Society. 2004. P. 186–191.
24. Grossman I., Varnum M. Social class, culture and cognition // Soci. Psychol. and Personality Science. 2010. V. 1 (3). P. 1–9.
25. Nisbett R. Geography of Thought. N.Y.: Free Press, 2003. 263 p.
26. Nisbett R. Intelligence and how to get it: Why schools and cultures count. N.Y.: WW Norton & Co, 2010. 416 p.
27. Rivers W.H.R. Observations on the senses of the Todas // Brit. J. of Psychol. 1905. V. 1. P. 321–396.
28. Ji L.-J., Zhang Z., Nisbett R.E. Is it culture or is it language? Examination of language effects in cross-cultural research on categorization // J. Pers. and Soc. Psychol. 2004. V. 87. P. 57–65.
29. Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта: психометрическая и клинико-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике: Методич. пособ. СПб.: Речь, 2003. 128 с.
30. Белопольская Н.Л. Исключение предметов (Четвертый лишний). Модифицированная психодиагностическая методика: Руководство по использованию. 3-е изд. М.: Когито-центр, 2009. 26 с.
31. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
32. Верч Дж. Голос разума: социокультурный подход к опосредованному действию / Институт Открытое общество. М.: Тривола, 1996. 352 с.
33. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 272 с.
34. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послеслов. и примеч. под ред. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. (История социологии в памятниках).
35. Жане П. Эволюция памяти и понятия времени: Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 85–92.
36. Кликс Ф. Пробуждающее мышление. У истоков человеческого мышления. М.: Прогресс, 1983. 285 с.
37. Коул М. Культурно-историческая психология – наука будущего. М.: Когито-центр; ИП РАН, 1997. 590 с.
38. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977. 257 с.
39. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
40. Нейропсихологическая диагностика: Классические стимульные материалы / Сост. Е.Ю. Балашова, М.С. Ковязина. М.: Генезис, 2015. 70 с.
41. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 301 с.
42. Сергиенко Е.А. Когнитивная природа речевого «взрыва» // Психол. исслед.: электрон. науч. журн. 2008. № 1 (1). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/83-sergienko1.html>
43. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учеб. для студ. вузов. М.: Академия, 2008. 288 с.
44. Язык и мысль // Современная когнитивная лингвистика / Под ред. А.А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с.

References in Russian:

1. Арестова О.Н. Интуитивное понимание смысла пословиц // Вопр. психол. 2011. № 2. С. 129–138.
2. Арестова О.Н. Искажения в мыслительной деятельности как результат мотивационного конфликта // Прикладная юридическая психология. 2009а. № 1. С. 86–98. (1).
3. Арестова О.Н. Культурные особенности опосредствования в мнемической деятельности // Вопр. психол. 2016. №3. С. 89–95.
4. Арестова О.Н. Развитие представлений о структурирующей функции мотивации в мы-